

Л. С. Окунева

Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота»)

Аннотация: В центре внимания автора – размышления о содержании понятий «правые» и «левые» в Латинской Америке, о причинах и особенностях завершения «левого цикла» и наступления «правого поворота».

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, левые, правые.

Liudmila Okuneva

El giro para la izquierda en América Latina se desenvuelve a la derecha (rasgos del “retrato” del “viraje hacia la derecha”)

Resumen: En el artículo se trata de las reflexiones acerca del sentido general de los conceptos “derecha” e “izquierda” en América Latina y sobre las causas y particularidades del fin del “ciclo de izquierda” y de la llegada del “viraje hacia la derecha”.

Palabras clave: América Latina, Brasil, izquierda, derecha.

Liudmila Okuneva

Latin American “left drift” is set to the right (some finishing touches to the “portrait” of the “right turn”)

Abstract: The article deals with the reflections on the concept of the “right” and the “left” in Latin America, on the causes and characteristics of the completion of the “leftist cycle” and the advent of the “right turn”.

Keywords: Latin America, Brazil, left-wing and rightist forces.

Процессы, происходящие в современной Латинской Америке, столь сложны и подчас не-предсказуемы, столь наполнены разнообразным, подчас противоречивым содержанием, что дают немалую пищу для размышлений; зачастую эти размышления выводят нас на важные общие выводы относительно перспектив развития современного мира в целом [1].

Еще совсем недавно понятие «левого поворота» в Латинской Америке не сходило с газетных полос и со страниц академической научной литературы. Этот феномен обозначил собой целую страницу современной латиноамериканской истории. Теперь же заговорили о «правом повороте». В чем тут дело, правомерно ли это, и если «да», то в чём причины столь крутого изменения маршрута?

После президентских выборов в Аргентине, парламентских в Венесуэле (ноябрь и декабрь 2015 г., соответственно) и особенно – после импичмента президента Бразилии Д. Руссефф в ЛА-

тинской Америке всерьёз заговорили о наступлении «правого поворота». В чём его причины и особенности, в ответ на что он возник?

Конечно же, это ответ на тот самый «левый поворот», который стал «визитной карточкой» политических процессов в Латинской Америке в предшествующий период.

Начавшись с прихода к власти У. Чавеса в Венесуэле в 1998 г. и Л. И. Лулы да Силвы в Бразилии в 2002 г., «левый поворот» получил наибольшее развитие в 2000-х и начале 2010-х гг. Сам приход к власти левых, совершившийся путём демократических выборов, отразил реакцию латиноамериканских обществ на неолиберальную политику тогдашних правящих кругов, которая, будучи нацелена на достижение максимальных экономических показателей, усиление эффективности экономики, практически полностью обходила социальную проблематику. Квинтэссенцией неолиберальной доктрины был тезис о «маленьком государстве», «государстве — ночном стороже», что предполагало усечение социальных проектов. Однако урезание бюджета за счёт социальных программ было неприемлемо в Латинской Америке с её огромными массами маргинализированного, пауперизированного населения, тех многомиллионных обездоленных слоёв, которые жили за чертой бедности. В силу этого приход левых был предопределен и логичен: его причинами стали социальная дезинтеграция, пауперизация масс в целом и среднего класса в частности, рост числа «исключённых», нарастание общего социального недовольства на фоне как финансовых кризисов, так и отсутствия ощутимых социальных результатов неолиберальных реформ.

Надо иметь в виду, что сами протагонисты «левого поворота» значительно отличались от своих предшественников. И хотя в нулевые годы в Латинской Америке сформировались две группы стран «левого поворота» — умеренные, «левореформистские» (Бразилия, Аргентина при Н. Киршнере, Чили, Уругвай, ряд других) и «леворадикальные» режимы (Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа), у них были и некоторые общие черты.

Пришедшие к власти левые лидеры были не коммунисты, не марксисты — важные действующие лица предшествующего этапа освободительной борьбы в Латинской Америке. Это были «новые левые»: они не выступали за слом рыночной экономики или ограничение рыночных механизмов, а в экономической сфере не боролись против так называемого статус-кво.

В Бразилии в кругах студенчества, интеллектуальной элиты, университетской профессуры постоянно шла дискуссия по вопросу «что означает быть левым». Вопрос о содержании понятия «левые» был далеко не случаен: ведь стремление современных латиноамериканских лидеров-реформаторов к разрыву с традиционной моделью развития соседствовало с pragmatismом, а «прогрессистские» и «реформистские» меры были столь тесно переплетены друг с другом в политической практике левых правительств, что их подчас было трудно отделить друг от друга. В этом плане наблюдатели сходились во мнениях, что во многом доктрина бразильских левых (в виде «лулизма») приближалась к постулатам западноевропейских соципартий.

Лула неоднократно делал парадоксальные заявления о том, что он «отнюдь не принадлежит к левым», но «обязан быть левым, чтобы бороться за равенство, за то, чтобы все могли пользоваться плодами развития». Он подчеркивал, что «самое главное определение левых — борьба за равенство». И вместе с тем замечал: «В Бразилии, где на всем протяжении её истории никто не занимался социальными проблемами, где 54 млн человек живут за чертой бедности, невозможно преодолеть подобное положение в краткие сроки» [2]. К Луле было вполне применимо мнение о том, что «современные левые зачастую колеблются между необходимостью самоидентификации с левыми и одновременно — отвержения традиционного деления на левых и правых. Они являются левыми, поскольку обладают политической волей положить конец не только бедности, но и неравноправию, несправедливому строю, основанному на господстве олигархий и привилегированных слоёв. Они являются левыми в той своей ипостаси, в какой они представляют собой силы изменения, слома существующего порядка, статус-кво. Но в той части своей деятельности, в которой они являются собой частичу старого мира, традиционной политики, они не могут быть причислены к левым» [3].

Любопытна в этом плане (естественно, без всяких попыток аналогий, но в целом применяемая ко многим представителям «новой левой волны» в Латинской Америке) довольно точная оценка Чавеса, данная известным венесуэльским политиком левого направления Т. Петковым: «Чавизм — это движение, полное противоречий. В нём присутствует классическая драма: Робеспьер и Дантон, якобинцы и жирондисты, большевики и меньшевики, ультраправые и умеренные... Сам Чавес — ...одновременно и левый, и правый. Внутри него в состоянии постоянной конфронтации сосуществуют идеалист и pragmatik» [4]. В данном контексте нельзя снова не вспомнить концепцию бразильского социолога Э. Жагуарибе о новом содержании старых понятий «правые» и «левые». Учёный подчёр-

кивал, что «дистанция между современными левыми и современными правыми намного меньше, чем между “современными левыми и архаичными левыми” и “современными правыми и архаичными правыми”» [5].

Главное, что отличало «новых левых», – резко выраженная социальность их политики. Главным содержанием «левого поворота» (в том числе, конечно же, и в Бразилии) стал приоритет социального фактора, обращение к «социальности», понимаемой как сугубо социальные потребности большинства, и требования уничтожения нищеты и резкого сокращения бедности¹.

Главным направлением своей политики левые провозглашали борьбу с бедностью. Их основной постулат – рынок не в состоянии решить проблему бедности, частное предпринимательство не способно преодолеть глубокое социальное неравенство и нищету; на первый план должно выступить государство, главная задача которого – «уйти из экономики» и прийти в социальную сферу, проводить реформы, направленные на сокращение бедности. Именно поэтому современные латиноамериканские левые и выступали за усиление роли государства как института, способного смягчить негативные эффекты рынка. Важнейшая составляющая экономической и политической стратегии левых – борьба за социальную справедливость (понимаемую прежде всего как справедливое распределение доходов), за радикальное (или, по крайней мере, существенное) сокращение численности тех, кто принадлежит к «социально исключённым» слоям.

Левым правительствам удалось многое сделать. На примере Бразилии видно, как благодаря мощным социальным программам, тщечно ориентированным на улучшение бедственного положения наиболее обездоленных, их ситуация качественным образом изменилась к лучшему. Десятки миллионов людей перешли нижнюю границу среднего класса и превратились в так называемый «новый средний класс». Эта многочисленная социальная группа, получив возможности к удовлетворению своих насущных потребностей, внесла немалый вклад в развитие национальной экономики, в расширение внутреннего рынка, развитие местной промышленности и в конечном счёте – к развитию экономики в целом. Стала очевидной предсказывавшаяся многими социологами и экономистами прямая связь между социальной и экономической модернизацией.

Весьма ощутимыми были и достижения других левоориентированных режимов (Венесуэла периода Чавеса, Боливия, Эквадор), но именно Бразилия стала эталоном данных успехов. Бразилия, продемонстрировавшая «умеренную развидку» левого поворота, продемонстрировала социальный прорыв, совершенный не радикальным наскоком, не революционным путём, а мирно, при соблюдении правил функционирования рыночной экономики. «Архитектор» бразильского «левого поворота», лидер Партии трудящихся и президент страны в 2003–2010 гг. Лула да Силва получил за это немалую долю критики от низовых организаций ПТ, которые обвиняли его в «предательстве интересов народа», но он понимал, что разрушение экономического механизма, разрыв отношений с международными финансовыми организациями (за что выступала ПТ, будучи в оппозиции) немедленно поставят крест на социальном реформировании, лишив страну источников реализации социальных проектов. Главным достижением правления ПТ стала «социальная включенность», то есть вовлечение в гражданское общество десятков миллионов бедняков, что обеспечило социальную стабильность, рост среднего класса, зримое уменьшение нищеты и бедности. Изменился социальный имидж Бразилии, чего не могли и даже сегодня не могут отрицать политические противники левых.

«Золотое десятилетие» 2003–2013 гг. было временем экономического благополучия и успешного социального реформирования в латиноамериканских странах «левого поворота», эпохой крупных харизматических лидеров, которые выразили интересы вступивших в новую жизнь значительных социальных слоёв и потребности всего общества в сокращении социального разрыва. Левоцентристские харизматические лидеры при поддержке прежде всего беднейших слоёв провели социальную модернизацию, расчистили крупные «социальные завалы» и тем самым продвинули свои страны по пути модернизации и развития. В этом и состоит историческое значение их правления.

Однако затем данный оптимистический сценарий был прерван. В 2013–2015 гг. последовали драматичные изменения экономической конъюнктуры: падение нефтяных и сырьевых цен на

¹ Именно таким образом ставил вопрос известный политолог Н. Боббио: главное различие между правыми и левыми пролегает в области «принципов равенства и свободы»; если левые в большей степени тяготеют к равенству, то правые защищают свободу, в том числе экономическую, и говорят о «рисках всеобщего равенства» (*Norberto Bobbio. Esquerda e direita: razões e significados de uma distinção*. S. I., 1994).

миром рынке, усиление конкурентности и непредсказуемости мировой торговли. В Бразилии это повлекло за собой обвал прежде относительно благополучной экономики, отрицательные индексы, сжимание госбюджета, сокращение инвестиций и источников финансирования социальных проектов и как следствие – рост цен, безработицы, падение уровня жизни, урезание социальных программ. Одновременно обострились дебаты о дальнейших путях развития: в условиях пробуксовывания левой альтернативы всё большую силу набирал проект правых о необходимости усиления частной инициативы, рыночных механизмов и сокращения присутствия государства в экономике и социальной сфере. Эти споры с особой силой проявились в ходе президентских выборов 2014 г. Фактически речь шла о необходимости поиска новых путей совмещения и равновесия между рынком и государством [6].

Вместе с тем нельзя сказать, что экономический кризис середины второго десятилетия стал единственной причиной заката левого проекта. Ведь кризис 2008–2009 гг. тоже сильно ударили по экономике Бразилии. Но тогда она достаточно успешно, с наименьшими потерями, используя механизмы частно-государственного партнёрства и ряд других рычагов, сумела его преодолеть. Нынешний же кризис существенно отличался от прежнего. Он стал свидетельством окончания определённого длительного цикла: исчерпания парадигмы «экономического национализма», «государственного интервенционизма» – если вначале вмешательство государства в экономику обеспечивало главные цели «левого поворота», то затем, по прошествии 13–15–18 лет, оно исчерпало свои потенции. Разбухшее государство, рост госбюрократии, наложившиеся на общее падение темпов роста и рецессию, спровоцировали активизацию правых с их лозунгами необходимости усиления рыночных рычагов. Неудивительно, что поправление политической жизни наиболее выпукло проявилось именно в тех странах «левого поворота», где государственное регулирование было особенно ощущимо, – в Аргентине, Бразилии, Венесуэле.

Важным фактором вызревания «правого дрейфа» стала и позиция выросшего и усилившегося среднего класса. Здесь наблюдалась весьма показательная диалектика. С одной стороны, «новый средний класс», ряды которого пополнили «бывшие бедные», стал «детищем» левых режимов. Однако с другой – встав на ноги, очень скоро этот новый социальный слой стал проявлять быстро растущие и подчас завышенные ожидания: доступ к здравоохранению, образованию, потребительскому рынку повлёк за собой требования немедленного повышения качества всех этих услуг и общего качества жизни. Именно этот социальный запрос фигурировал в ходе массового протестного движения в Бразилии в июне 2013 г. Д. Руссефф признала справедливость этих требований, многие из которых были удовлетворены. Однако уже в 2014–2015 гг., в изменившихся условиях экономического кризиса уже весь средний класс – и «новый», и «традиционный», недовольный ухудшившейся экономической ситуацией, резким падением уровня жизни и неспособностью правительства найти выход из кризиса, а также протестовавший против коррупционных скандалов с участием ПТ, – в ходе массовых манифестаций 2015 – начала 2016 гг. выступил за импичмент Руссефф.

В Бразилии метания между «левой» и «правой» стратегией завели государственный курс Дилмы в политический тупик. Победив на выборах с минимальным отрывом от соперника, представлявшего правую оппозицию, она логичным образом, стремясь стать «президентом не партии ПТ, а всех бразильцев», попыталась скорректировать свой курс, придав большее значение роли частного бизнеса, сделав крен в сторону неолиберальной политики урезания бюджета. Но если «безразмерные» социальные программы раздражали правую часть избирателей, то каждый шаг по их секвестру вызывал острое неприятие левых, обвинявших Дилму в «предательстве» и невыполнении предвыборных обещаний. Складывалась патовая ситуация: левые (изнутри ПТ) критиковали монетаристскую политику кабинета, уверяя, что «монетаризм погубит ПТ», правая же оппозиция утверждала, что только в монетаризме есть выход, а государственный дирижизм как «конек» ПТ загубил бразильскую экономику. Метания между неолиберализмом в экономике (вынужденным шагом, продиктованным небывалым экономическим кризисом) и левоориентированным социальным реформированием привели кабинет ПТ к потере и левого, и правого избирателей. В результате Дилма Руссефф оказалась в политической изоляции при почти полной парализации власти [7].

Выступления за импичмент Руссефф как явное проявление «правого поворота» продемонстрировали отнюдь не только неприятие конкретных персон на высшем государственном посту. «Повороту вправо» в Бразилии способствовали и коррупционные скандалы, ставшие провозвестниками остройшего политического кризиса (в своём развитии приведшего к импичменту), и многомерный и всеохватный политический коллапс, в котором проявились как сбои

в функционировании политической системы в целом и партийной системы в частности, так и целый «набор» кризисов: управляемости, политического лидерства, морально-психологический. «Фоном» же всех этих явлений стал общий настрой латиноамериканского среднего класса, в котором переплелись требования переформатирования политики как таковой, пересмотр традиционной системы управления («коалиционный президентализм»), перенастройки политической системы на равномерно действующий механизм сменяемости власти, удаления из политики принципа «монополизации власти» и тесно связанного с ним «властного долгожительства» харизматических лидеров, перенявших в новых условиях традиционные, идущие из глубин бразильской истории принципы клиентелизма, касикизма, непотизма (которые, в бразильском случае, характерны не только для левой ПТ как бывшей правящей партии, но и для пришедшей к ней на смену правоцентристской Партии бразильского демократического движения, буквально пронизанной теми же порочными политическими принципами) [8].

Подобные требования гражданского общества призывали к переосмыслению самой концепции демократии, вернее, к её возвращению к своему исходному значению как соревновательности партий и лидеров и сменяемости власти, которые позволяют обеспечить прозрачность государства и экономической деятельности (а несменяемость создает условия для коррупции, что и проявилось в Бразилии) к пониманию демократии как «vakантного места», которое, в отличие от монархии, не может на десятилетия стать чьей-то «собственностью». Справедливости ради следует отметить, что в Бразилии выборы на протяжении трёх десятилетий существования демократического режима отличались остро конкурентным характером, сменяемостью партий (когда после двух мандатов Ф. Э. Кардозу последовали два мандата Лулы, политологи даже заговорили о формировании в Бразилии нормальной двухпартийной системы ПТ/ПСДБ), а долгожительство ПТ у власти объяснялось не имевшим место в ряде леворадикальных режимов введением в конституцию поправок по безграничному продлению мандата президента (Лула категорически возражал против подобных попыток), а её успешной политикой (два мандата Лулы и «примкнувший» к ним успешный первый мандат Дилмы, второй мандат уже протекал в обстановке острого политического кризиса и, по мнению многих бразильских политологов, так и не начался); когда же Лула в марте 2016 г. объявил о своём вступлении в президентскую гонку 2018 г., что означало – в случае его победы – продление власти ПТ на достаточно длительную перспективу, – это явилось тем сигналом для оппозиции и среднего класса, который во многом побудил их к активным действиям и конкретно против Лулы, и за импичмент.

Что же касается других стран «левого поворота», в которых лидеры сумели провести через парламенты конституционные поправки, продлевавшие их власть (Венесуэла, Боливия, Никарагуа) либо власть их партий (Эквадор) на 3 или даже 4 мандата (а это означало продление не только их личной власти, но и действия избранной ими модели развития, которая объективно нуждалась в изменениях либо корректировке, но оказалась бы «замороженной» и не подверженной трансформациям), то это стало пусть не единственной, но одной из серьёзных причин недовольства и, как следствия, поправления среднего класса.

Всё это подтверждало поддерживаемую многими латиноамериканскими политологами концепцию об окончании не только определённого экономического цикла, о котором говорилось выше, но и цикла политического – деятельности «народных режимов» с их ярко выраженной левоориентированной политикой и ролью харизматических лидеров [9].

Здесь, однако, хотелось бы высказать соображение, касающееся последнего пункта. По мере обнародования все новых фактов коррупции и имён замешанных в ней персонажей, бразильское общество захлестнула волна разочарования во всех без исключения политиках. Заметно поблек и облик харизматика Лулы. С другой же стороны – в условиях непредсказуемости политического процесса (и в обстановке отсутствия авторитетного общенационального лидера на левом фланге) сегодня никто не может с полной определённостью утверждать, что эта крупная политическая фигура не возникнет на политическом пространстве вновь. Поэтому представляется преждевременным полностью «списывать со счетов» харизматических лидеров (это касается и других латиноамериканских стран, пример – «третье [подряд] пришествие» Д. Ортеги во власть в Никарагуа).

* * *

Анализ политической панорамы Латинской Америки показывает, что споры/политическое противоборство/концептуально-политические конфликты между левыми и правыми будут не только продолжаться, но и могут иметь тенденцию к обострению (ведь левая политическая

культура, подпитываемая социальной конфигурацией, в которой беднейшие слои далеко не исчезли, традиционно имеет мощные идеологические позиции и будет усиливаться по мере роста экономических неурядиц; неспособность же левых режимов справиться с этими неурядицами будет способствовать активизации правых; одновременно и провалы правых будут способствовать росту популярности левых). Одновременно следует иметь в виду, что в самой Латинской Америке (прежде всего в Бразилии) идёт дискуссия о новом содержании старых понятий «левые» и «правые» (и это новое содержание означает своего рода конвергенцию этих понятий) [10]. Сегодня имеет место и иной феномен: явное сближение «левых» и «правых», их обоюдное движение к политическому центру [11]: на примере бразильского кризиса 2013–2016 гг. видно, что ярко выраженный левый дискурс приобрел несомненно приглушенный характер, уступив место прагматизму (левые говорят о необходимости воспринять некоторые элементы неолиберальной экономической доктрины), а правые заявляют о том, что в случае их прихода к власти преемственность социальных программ не будет нарушена².

Имеет место и такое представление о современных левых и правых в Латинской Америке, согласно которому «ни левого, ни правого поворота в странах континента не было и нет», можно говорить лишь о тех или иных проявлениях популизма, а в целом, какими бы ни были режимы и правительства, структурных изменений не просматривается, государство и общество остаются «несовременными», с сильным налётом патернализма; в этих условиях понятия «правые» и «левые» не соответствуют латиноамериканскому политическому сценарию³.

Вместе с тем более сбалансированным и правомерным нам представляется подход, призывающий не только не отказываться от определённого понятийного инструментария, но и, напротив, взять его на вооружение, поскольку он позволяет «навести порядок» в наших представлениях о характере латиноамериканской политики. И такой подход диктует следующую «схему» в отношении определения «кто есть кто» на «право-левой» политической шкале: «маркером» левых является «социальность» и тяготение к большей роли государства, а правых – упор на рыночные механизмы. Этот «маркер» может быть применен к любой латиноамериканской стране, а опыт Бразилии доказывает его действенность с особой очевидностью.

Литература

1. Орлов А. А. Латинская Америка: тенденции развития // Иberoамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. Вып. 2(8). С. 25–28; Орлов А. А. Иberoамериканский мир: некоторые особенности развития (обращение к читателям в форме размышлений) // Иberoамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 1. С. 12–16; Астахов Е. М. Куда идет Латинская Америка? // Иberoамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2015. Вып. 2 (8). С. 6–8.
2. Lula da Silva L. I. Les bases de l'égalité // Mouvements. – Paris, septembre-décembre 2006, № 47–48, p. 48.
3. Fregosi R. De «nouveaux» leaders politiques // Histoire et Liberté. Les cahiers d'histoire sociale. – Paris, hiver 2007, № 29, p. 46.
4. Цит. по: Дабагян Э. С. «Государства – сколько необходимо, рынка – сколько возможно». Мировоззрение боливарийцев // Латинская Америка. 2005. № 11. С. 25.
5. Jaguaribe H. O PSDB ante a presente situação do Brasil. Mimeo. – Rio de Janeiro, Instituto de estudos políticos e sociais, 1990, p. 4.
6. Окунева Л. С. Президентские выборы 2014 г. в Бразилии // Латинская Америка. 2015. № 1. С. 4–19.
7. Окунева Л. С. Импичмент президента Бразилии: как это было // Латинская Америка. 2016. № 8. С. 28–42; Окунева Л. С. Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы // Латинская Америка. 2016. № 10. С. 5–22.

² Это, правда, не относится к политике правых властей Бразилии, переступивших через собственные обещания сохранить, хотя бы в общем виде, социальные программы предшествующего левого режима и методично уничтожающих его социальное наследие (речь идет о принятой Сенатом 13 декабря 2016 г. конституционной поправке о 20-летнем моратории на повышение госрасходов, который сильно ударяет по беднейшим слоям и разрушает государственную систему здравоохранения и образования).

³ Об этом говорил в своем интересном докладе в Институте Латинской Америки РАН аргентинский исследователь Марсельо Монтес 5 июля 2016 г. Хотя на фоне изысканий отечественных латиноамериканистов данная точка зрения и выглядит как весьма парадоксальная, тем не менее она отражает ряд важных аспектов латиноамериканской действительности и побуждает к дебатам и к дальнейшим размышлениям вокруг «право-левых» сюжетов.

8. *Окунева Л. С. Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы* // Латинская Америка. 2016. № 10. С. 5–22.
9. *Núñez R. Brasil entra en un nuevo fin de época* // URL: <http://www.infolatam.com/2016/04/17/brasil-entra-en-un-nuevo-fin-de-epoca>; *Núñez R. Bolivia: Continúa el principio del fin de una época en América latina* // URL: <http://www.infolatam.com/2016/02/22/bolivia-continua-el-principio-del-fin-de-una-epoca-en-america-latina>; см. также: *Kretov S. Crisis de la izquierda latinoamericana como una nueva etapa del famoso “giro a la izquierda”: lograrían mantenerse en poder los gobiernos progresistas?* // *El mundo iberoamericano: Tradición y tendencias actuales. Иberoамериканский мир: традиции современные тенденции. Приложение к журналу «Иberoамериканские тетради».* Вып.1; материалы VII международной научной конференции испанистов «*Homo loquens* в иberoамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание» (МГИМО, 21–23 апреля 2016 г.) [на исп. яз.]. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. С. 72–86.
10. Обо всем спектре этих проблем см. подробно: Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е – 2006 гг.). – М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 435, 743–756, 759–760.
11. См.: *Давыдов В. М. Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра. Императивы национального, регионального и глобального порядка* // Латинская Америка. 2016. № 6. С.15; доклады З. В. Ивановского и Л. С. Окуневой на международной научной конференции «Новые реалии современного экономического, политического и культурного развития Иberoамерики и их учёт в международной деятельности РФ» – см.: *Ивановский З. В. Судьба «левого дрейфа» в Латинской Америке* // Латинская Америка. 2016. № 8. С. 74–78; см. также: *Ивановский З. В. Доклад «Латинская Америка: колебания политического маятника» на заседании Ассоциации исследователей иberoамериканского мира. ИЛА РАН*, 7 апреля 2016 г. /Цит. по: *Тайар В. М. Исследователи иberoамериканского мира подвели итоги 2015 года* // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 99; *Окунева Л. С. Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы* // Латинская Америка. 2016. № 10. С. 12–13, 15–16; *Ивановский З. В. Мировой экономический кризис и его политические последствия для Латинской Америки* // Россия – Испания – Иberoамерика: перекрестный год сотрудничества. – М., МГИМО-Университет, 2011; *Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Электоральный цикл 2009–2010 гг. в Латинской Америке: изменение политической конфигурации континента* // Там же.